

Весті БДПУ

Штоквартальны навукова-метадычны часопіс.
Выдаецца з чэрвеня 1994 г.

№ 3(93) 2017

СЕРЫЯ 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія

Галоўны рэдактар А. І. Жук

Рэдакцыйная калегія:

- А. П. Жытко (нам. галоўнага рэдактара) (Рэспубліка Беларусь)
Т. М. Буйко (Рэспубліка Беларусь)
Л. М. Давыдзенка (Рэспубліка Беларусь)
А. В. Данільчанка (Рэспубліка Беларусь)
Г. У. Карзенка (Рэспубліка Беларусь)
І. В. Катляроў (Рэспубліка Беларусь)
В. Б. Келер (Федэратыўная Рэспубліка Германія)
В. В. Кірылаў (Расійская Федэрацыя)
А. Я. Кучко (Рэспубліка Беларусь)
А. С. Лапцёнак (Рэспубліка Беларусь)
А. М. Люты (Рэспубліка Беларусь)
У. Ф. Мартынаў (Рэспубліка Беларусь)
У. А. Мельнік (Рэспубліка Беларусь)
Я. Мірановіч (Рэспубліка Польшча)
Р. К. Мірзаханян (Рэспубліка Армения)
А. І. Смолік (Рэспубліка Беларусь)
А. Г. Субоцін (Рэспубліка Беларусь)
А. Г. Шваб (Украіна)
А. М. Эскрыдж-Урсмач (Злучаныя Штаты Амерыкі)

Адрас рэдакцыі:

Вул. Магілёўская, 37, пакой 124,
220007, Мінск,
тэл. 219-78-12
e-mail: vesti@bdsu.by

Пасведчанне № 1353 ад 06.05.10.
Міністэрства інфармацыі
Рэспублікі Беларусь

Падпісана ў друк 22.09.17.
Фармат 60×84 1/8. Папера афсетная.
Гарнітура *Арыял*. Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 14,42. Ул.-выд. арк. 13,89.
Тыраж 100 экз. Заказ 532.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны
педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі
выдаўца друкаваных выданняў
№ 1/236 ад 24.03.14.
Ліцэнзія № 02330/448 ад 18.12.13.
Вул. Савецкая, 18,
220030, Мінск.

Адказны сакратар В. П. Андрыевіч

Рэдактар В. П. Андрыевіч

Камп'ютарная вёрстка В. С. Яворскай

© Весті БДПУ. Серыя 2. 2017. № 3.

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 02.02.2011 г. № 26 часопіс «Весті БДПУ. Серыя 2» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных, культуралагічных, палітычных, сацыяльных, філасофскіх, эканамічных (эканамічная тэорыя) навуках

Часопіс «Весті БДПУ. Серыя 2» у адпаведнасці з Пастановай ВАКа ад 08.06.2009 № 3 выходзіць:

- № 1, 3 па навуковых кірунках «Паліталогія», «Сацыялогія», «Эканоміка»;
№ 2, 4 па навуковых кірунках «Гісторыя», «Філасофія», «Культуралогія»

У адпаведнасці з дагаворам

паміж БДПУ і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор № 676-12/2016 ад 21.12.2016 г.) часопіс «Весті БДПУ» (у 3-х серыях) размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ) – бясплатны агульнадаступны інструмент вымярэння публікацыйнай актыўнасці вучоных і арганізацый.

УДК 303.2(=161.3,=161.1)

UDC 303.2(=161.3,=161.1)

СТРАХИ И ТРЕВОГИ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

FEARS AND ANXIETIES OF BELARUSIANS AND RUSSIANS IN SOCIOLOGICAL DIMENSION

Л. П. Галич,

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин БГПУ

L. Galich,

Candidate of Sociology, Associate
Professor of the Department of Social-
Humanitarian Disciplines, BSPU

Поступила в редакцию 23.08.17.

Received on 23.08.17.

В данной статье представлены результаты социологического исследования основных страхов и беспокойств белорусов и россиян. Показано, что данная проблема носит междисциплинарный характер и рассматривается в философской, социологической, социально-психологической и конфликтологической литературе. Указано на то, что социальное беспокойство и напряженность населения являются субъективными факторами общественной стабильности и порядка. В статье представлен сравнительный анализ основных сфер и проблем, которые в большей степени волнуют и беспокоят население стран Беларуси и России.

Ключевые слова: социальное беспокойство и напряженности, страхи и тревоги, общественная стабильность и порядок, население Беларуси и России.

This article presents the results of a sociological study of the main fears and concerns of Belarusians and Russians. It is shown that this problem has an interdisciplinary character and is considered in the philosophical, sociological, socio-psychological and conflictological literature. It is pointed out that social anxiety and tension of the population are subjective factors of public stability and order. The article presents a comparative analysis of the main spheres and problems that are of greater concern and concern to the population of Belarus and Russia.

Keywords: social anxiety and tension, fears and anxieties, public stability and order, the population of Belarus and Russia.

К числу фундаментальных вопросов, всегда волновавших общество, относятся вопросы, связанные с проблемами неравенства, противоречий, конфликтности и напряженности. Тема социального беспокойства населения является особенно актуальной сейчас для Беларуси и России, потому что наши страны переживают время экономической, социальной нестабильности, находятся в условиях экономического кризиса. Более того, многими социологами отмечается падение уровня жизни, ухудшение ее качества, распространение социальной напряженности и беспокойства среди населения.

Изучение феномена социального беспокойства носит междисциплинарный характер. Исторически проблема социального беспокойства и напряженности осмысливалась и развивалась в философской, социологической, социально-психологической и конфликтологической литературе в связи с явлениями, отражающими такие понятия

и глобально значимые для всех людей и государства в целом процессы, как стабильность и порядок, устойчивое развитие социума, общественная интеграция и солидарность. Еще Аристотель выделял любовь и ненависть, желание и отвращение, надежду и отчаяние, робость и смелость, радость, печаль и гнев. Представители древнегреческой школы стоицизма утверждали, что эмоции основаны на двух благах – на зле и добре – подразделяются на четыре главные страсти: желание и радость, печаль и страх. Б. Спиноза полагал, что сколько имеется видов тех объектов, со стороны которых мы подвергаемся аффектам, столько же существует видов удовольствия и неудовольствия. У Рене Декарта в круг главных страстей входили удивление и любовь, ненависть и желание, радость и печаль.

В психологии в классификаций эмоций и чувств Б. И. Додонова можно выделить класс «Пугнических эмоций» (от лат. *pugna* – борьба), к которому относятся рассматрива-

емые нами явления социального беспокойства и напряженности. Согласно автору указанной классификации, данные чувства, которые захватывают индивида или группу, связаны с самосохранением, а также потребностью в преодолении опасности, на основе которой возникает интерес к борьбе и вытекающая из нее предельная мобилизация своих жизненных сил и возможностей, жизненной энергии для преодоления сложной ситуации [1, с. 75].

Современные исследователи проблем общественной стабильности, устойчивости и порядка отталкиваются от теорий «социальных рисков» и «глобализации». Белорусский социолог Л. Г. Титаренко отметила: «Начало XXI в. ознаменовалось новыми вызовами и угрозами, проистекающими из процессов глобализации, которые по-прежнему определяют мировое развитие» [2, с. 25]. Беларусь и Россия объективно в той или иной степени подвержены этим угрозам, вызовам и рискам, поскольку вовлечены в современные глобальные процессы. Общество риска, в рамках которого, по мнению английского социолога Э. Гидденса [3], пребывает современное человечество, расшатывает былую экономическую и политическую стабильность, в результате чего ни одна страна, поколение человек не застрахованы от неожиданностей и неопределенностей, существующих в сфере, а труда, образования, новых технологий, экологического состояния среды, систем здравоохранения. По мнению социолога, основными характеристиками современного общества являются неопределенность, непостоянство, нестабильность, и для их преодоления каждый человек должен стать лабильным, а социальная политика – динамичной и гибкой. Не только современное государство отвечает на новые глобальные вызовы, но и современный человек неизбежно обречен на постоянное столкновение с различными индивидуальными рисками на протяжении всей своей жизни. Польский социолог П. Штомпка назвал современный мир глубоко травмированным [4], потрясенным социальными катаклизмами. Неустойчивость жизненного уровня, угроза массовой безработицы, потеря прежней социальной идентичности, необходимость поиска путей выживания в новых условиях – все это неизбежно приводит к негативным и разрушительным последствиям, к социальному беспокойству и другим следствиям в общественном сознании и психике

людей, находящихся в центре подобных социальных рисков и угроз. По мнению американского социолога и социального психолога Г. Блумера, социальное беспокойство как вид коллективного поведения возникает в условиях неустойчивости или нарушения привычных форм существования или привычного, заведенного жизненного порядка [5, с. 535–588]. В тех ситуациях, когда групповая жизнь удовлетворительно поддерживается в соответствии с правилами и культурными установлениями, отсутствует повод для возникновения каких-либо новых форм коллективного поведения, желания, предрасположенности и потребности людей удовлетворяться посредством обычной и привычной культурной деятельности групп. Люди оказываются в состоянии беспокойства в том случае, если желания, побуждения и предрасположения не могут быть удовлетворены наличными формами существования. Подобная ситуация подталкивает к действию, с одной стороны, но и одновременно препятствует его совершению – с другой. В итоге люди ощущают дискомфорт, фрустрацию (лат. *frustratio* – «обман», «неудача», «тщетное ожидание», «расстройство замыслов»), неуверенность, исходом которых являются одиночество или отчуждение. Состояние социального алармизма (тревожности) возникает «лишь тогда, когда чувство беспокойства вовлекается в круговую реакцию и становится инфекционным» [5]. Социальное беспокойство обычно сопровождается тревогами, страхами, неуверенностью, повышенной агрессивностью, пессимистичным восприятием будущего. Вместе с тем оно является не только симптомом распада жизненного устройства, но и платформой для появления новых форм деятельности – социальных движений, реформ, революций, религиозных культов, духовных побуждений и новых моральных установлений. Помимо социального беспокойства как социально-психологического типа общественных рисков существует такая его разновидность, как социальная напряженность, также порожденная плохим социальным самочувствием или негативной его формой. Социальная напряженность рассматривается как социологическая категория, принятая для обозначения состояния общества, для которого характерно обострение ключевых экономических и политических противоречий, затрагивающих жизненно важные интересы и потребности разных категорий населения

определенной страны и вызывающих их недовольство. «Прямыми или непосредственными факторами», приводящими к появлению социальной напряженности, относятся те, которые связаны и определяют повседневную жизнедеятельность людей, степень удовлетворения тех или иных жизненно необходимых потребностей. К данной группе факторов причисляются достойный уровень заработной платы, величина пенсий и других социальных гарантий, наличие широкого ассортимента товаров массового потребления, доступность медицинских, образовательных, транспортных, туристических, спортивных и иных услуг, эффективное действие законов, обеспечивающих и гарантирующих правовую защиту и разного рода безопасность (экологическую, экономическую, продовольственную, политическую, духовную, военную и т. д.) населения. Противоположная ситуация приводит к чувству недовольства и выступает благоприятной почвой для появления и социального беспокойства, и социальной напряженности, которые угрожают стабильности и порядку в обществе. Как полагает белорусский социолог Д. Г. Ротман, социальная напряженность, имеющая экономические корни (СНэ), связанная с ухудшением условий жизни, снижением материального благосостояния, ростом цен, инфляцией, безработицей и пр., «очень опасна для стабильности в обществе (и, естественно, для действующей власти), так как качественная определенность самих корней связывается субъектом напряженности с деятельностью власти, успешностью ее экономической политики. СНэ может привести к массовому неповиновению или стихийному бунту» [с. 134]. Когда же на СНэ наслаивается социальная напряженность, имеющая политические корни (обострение отношений между политическими элитами, борьба за власть и т. п.), то подобное сочетание ведет как революциям («бархатным», «цветным») относительно мирным, так и кровопролитным. В этой области весьма велика роль социологических исследований, поскольку отслеживание динамики изменения уровня социальной напряженности позволяет предвидеть, и, соответственно, снимать проблемные ситуации в обществе и государстве. По мнению социолога, в группу социально напряженных попадают те индивиды, кто негативно оценивает личное материальное благополучие и экономическое положение страны, кто ощутил ухудшение своего

экономического благосостояния, ощущает серьезные жизненные проблемы, связанные с материальной сферой (рост цен, снижение уровня жизни и т. д.), пессимистично оценивает свое материальное положение в будущем, готов к протестным формам поведения в обществе в данной ситуации.

Таким образом, социальный риск как характеристика, свойство, состояние общественной ситуации, порожденной неблагоприятными условиями, тесно связан с реальными и непосредственными условиями жизни индивидов в разных сферах, благополучие в которых отражается на социальном самочувствии населения, а именно, приводит к недовольству, перерастающему в социальное беспокойство и напряженность. Белорусский социолог В. Николаевский полагает следующее: «Социальные риски приводят в конечном итоге к утрате или снижению уровня дохода индивида, а также утрате или источнику дохода (или его части), обеспечивающего определенный уровень удовлетворения жизненных потребностей. На протяжении всей жизни человек и общество постоянно встречаются с различного рода социальными рисками» [7, с. 36]. Однако белорусский исследователь не учел обратную сторону социальных рисков, а именно то, что без риска невозможно и получение положительных результатов, успехов, особенно в бизнесе. Социальная напряженность возникает в ситуации, когда большинство жителей региона (страны) вначале ощущает, а потом осознает, что удовлетворение их социальных, экономических, политических, национальных, культурных, религиозных и других жизненно важных потребностей, интересов и прав находится под угрозой. Среди населения распространяются настроения недовольства существующим положением дел в жизненно важных сферах общественной жизни (ростом цен, инфляцией, ростом безработицы, преступности и т. д.), неудовлетворенности социальным порядком в широком смысле, утрачивается доверие к властям, исчезает ощущение безопасности, широкое хождение приобретают пессимистические настроения, то есть возникает атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения. Напряженность проявляется не только в общественных настроениях, но и массовых действиях: в ажиотажном спросе, скупке товаров и продуктов питания «с запасом» (ситуация с сахаром, гречкой, солью, мебе-

лю, бытовой техникой), вынужденной и добровольной миграцией больших масс людей в другие регионы, активизацией деятельности общественно-политических движений различных направлений, стихийных и организованных демонстрациях, митингах, в забастовках и иных формах гражданского неповиновения. Обеспечение социальной стабильности предполагает недопущение социальной напряженности.

Что касается представленного исследования, отметим, что оно проводилось в рамках совместного белорусско-российского научно-исследовательского проекта «Социально-политическая ситуация и повседневная жизнь людей в России и Беларуси в контексте становления Союзного государства» (согласно договору с БРФФИ № Г13Р-045 от 16 апреля 2013 г.). Объектом исследования являлось население Витебской области Беларуси и Орловской области России. В качестве цели исследования выступало выявление на основе статистических данных и социологических индикаторов основных факторов, определяющих интеграционные тенденции в социально-политической ситуации и образе жизни населения Беларуси в контексте продвижения к Союзному государству России и Беларуси. В работе использовались социологические методы сбора и анализа данных – опрос населения Витебской области Беларуси и Орловской области России (900 человек в каждой из областей) и контент-анализ.

В ходе опроса респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, как часто за последний год они испытывали следующие чувства:

- уверенности в завтрашнем дне;
- несправедливости всего, что происходит вокруг;
- стыда за нынешнее состояние нашей страны;
- доверия к незнакомым людям;
- беззащитности перед произволом чиновников;
- тревоги, беспокойства в связи с наплывом мигрантов;
- ненависти к отдельным группам людей, страха за будущее страны.

Результаты опроса распределились следующим образом (таблица).

Итак, как показало исследование, опасения, связанные с безопасностью и будущим своих детей, характерны для каждого четвертого белоруса и каждого второго россиянина; чувство несправедливости всего, что

происходит вокруг, распространено среди 18,3 % белорусов и 50,6 % россиян; страх за будущее своей страны испытывает каждый шестой житель нашей страны и 40,2 % России; беззащитность перед произволом чиновников, работников правоохранительных органов и тесно связанных с ними предпринимателей отметили у себя 14,8 % белорусов и каждый третий россиянин; уверенности в завтрашнем дне – 12,2 % граждан Республики Беларусь и 19,6 % граждан РФ; чувство стыда за нынешнее состояние нашей страны присутствует у 12,3 % белорусов и 47,0 % россиян; доверие к незнакомым людям испытывают 9,5 % белорусов и 15,9 % россиян; ненависть к группам людей и отдельным лицам, по воле которых жизнь стала такой, какой она есть, – распространена среди 7,1 % белорусов и 25,3 % россиян; беспокойся по поводу массового наплыва мигрантов 5,9 % белорусов и 26,9 % россиян (см. таблицу). Представленные данные показывают, что наибольшим напором и остротой характеризуются оценки своих чувств и опасений среди россиян. Что касается таких чувств, как безопасность, несправедливость, стыд за страну, страх за будущее, то они наименее выражены у белорусов.

Беспокойства, страхи, тревоги и фрустрации – все это так или иначе относится к чувственной (эмоциональной) сфере личности. Чувства и эмоции личности выступают в качестве главного механизма внутренней регуляции (саморегуляции) психической сферы, а именно психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей и достижений наиболее значимых целей. В психологии понятие «чувство» интерпретируется как устойчивое эмоциональное отношение человека к разным явлениям действительности, к разным сторонам жизни человека (работе, дружбе, любви, учебе, досугу, семье и т. д.). Российский психолог и педагог Е. П. Ильин [1] утверждал, что чувства порождаются в социальной реальности и являются высшим продуктом развития эмоциональных процессов в общественных условиях. Чувства выполняют селекторальную функцию, то есть осуществляют так называемый отбор и выделение в воспринимаемой и представляемой действительности явления и предметы социальной реальности, обладающие (явления и предметы) для индивида некоторой значимостью.

Таблица 1 – Распространенность наиболее часто испытываемых чувств среди населения России и Беларуси, в %

Как часто за последний год вы испытывали чувства:		Россияне	Белорусы
1. Уверенности в завтрашнем дне	Нет ответа	1,1	1,5
	Часто	19,6	12,2
	Иногда	53,3	53,5
	Этого не было	26,0	32,7
2. Несправедливости того, что происходит вокруг	Нет ответа	1,1	1,4
	Часто	50,6	18,3
	Иногда	43,3	54,2
	Этого не было	5,0	26,1
3. Стыда за нынешнее состояние нашей страны	Нет ответа	1,0	1,8
	Часто	47,5	12,3
	Иногда	42,9	44,9
	Этого не было	11,1	40,9
4. Доверия к незнакомым людям	Нет ответа	2,0	2,3
	Часто	15,9	9,3
	Иногда	48,9	59,8
	Этого не было	33,2	28,6
5. Беззащитности перед произволом чиновников и т. д.	Нет ответа	1,7	2,0
	Часто	32,2	14,8
	Иногда	46,7	45,4
	Этого не было	19,4	37,8
6. Тревоги за безопасность и будущее своих детей	Нет ответа	0,6	1,5
	Часто	51,0	25,2
	Иногда	36,3	49,2
	Этого не было	12,1	24,1
7. Беспокойства с массовым наплывом мигрантов	Нет ответа	1,4	1,9
	Часто	26,9	5,9
	Иногда	45,9	27,6
	Этого не было	25,8	64,6
8. Ненависти к тем группам людей, по воле которых жизнь в стране стала такой, какой она есть	Нет ответа	1,7	1,6
	Часто	25,3	7,7
	Иногда	44,2	34,3
	Этого не было	28,8	56,4
9. Страх за будущее нашей страны	Нет ответа	1,4	1,4
	Часто	40,2	15,6
	Иногда	44,8	42,0
	Этого не было	13,6	41,0

Американский психолог, психоаналитик и неофрейдист Карен Корни, изучая влияние социальной среды на уровень тревоги личности, полагала, что понять тревогу можно только в тесной связи с ценностными ориентациями личности: «Так как различные инди-

виды считают своими жизненно важными ценностями совершенно разные вещи, можно обнаружить самые разнообразные вариации и в том, что они переживают как угрозу. Хотя определенные ценности чуть ли не повсеместно воспринимаются как жизненно

важные, например, жизнь, свобода, дети, однако лишь от условий жизни данного человека и от структуры его личности зависит, что станет для него высшей ценностью: тело, собственность, репутация, осознание этого условия тревожности дает нам ориентир для понимания тревоги» [1, с. 330].

Итак, какие страхи и опасения чаще всего беспокоят белорусов? Исследование показало, что 17,0 % опрошенных очень сильно обеспокоены перспективой стать бедными и нищими; 19,8 % – высказались, что эта проблема их очень тревожит; 35,7 % – надеются, что им это не грозит; 26,0 % – не задумывались об этом. Проблемой безработицы обеспокоены 33,7 % респондентов; 31,7 % – надеются, что не столкнутся с потерей работы; 26,6 % – не задумывались об этом. Остаться одиноким и беспомощным в старости опасаются 33,5 % опрошенных белорусов; 36,1 % – надеются, что с этим не столкнутся; 29,4 % – никогда не рассуждали на эту тему. Оказаться жертвой преступлений боятся 25,5 % белорусов; 33,0 % – надеются, что им это не грозит; 40,4 % – никогда не думали об этом. Стать жертвой аварий на производстве, транспорте и т. п. опасаются 25,5 % респондентов; 31,0 % – надеются, что им это не грозит; 42,2 % – не задумывались об этом.

Что же касается наших «соседей» – россиян, то представленные в анкете страхи они оценивают следующим образом. 52,6 % опрошенных россиян высказались, что их тревожит проблема оказаться одинокими; 31,7 % – полагают, что с ними такое не случится; 15,8 % – данная проблема не беспокоит. Стать бедными и нищими обеспокоено 51,0 % респондентов; 33,1 % – считают, что им это не грозит; 15,9 % – никогда не задумывались об этом. Боятся стать жертвой преступлений 48,0 % россиян; 30,8 % – считают, что никогда не столкнутся с данной проблемой; 21,2 % – не задумывались об этом. Получить травму на производстве, стать жертвой аварии и т. п. опасаются 45,7 % опрошенных россиян; 33,6 % – думают, что им это не грозит; 20,7 % – не задумывались об этом. Меньше всего респонденты боятся стать безработными, так как 44,2 % опрошенных ответили, что обеспокоены потерей

работы; 28,2 % – полагают, что им это не грозит; 27,6 % – даже не задумывались об этом.

Сравнительный анализ мнений белорусов и россиян относительно основных страхов показал, что восприятие россиянами представленных в исследовании опасений является более чувствительным, по сравнению с белорусами. Наши граждане оказались менее обеспокоенными выше названными проблемами. Продемонстрируем эту разницу: боятся потерять работу 33,7 % белорусов и 44,2 % россиян; стать бедным и нищим опасаются 36,8 % белорусов и 51,0 % россиян; остаться одиноким и беспомощным в старости обеспокоены 33,5 % белорусов и 52,6 % россиян; стать жертвой преступлений боятся 25,5 % белорусов и 48,0 % россиян, пострадать на производстве, транспорте и т. п. – опасаются 25,5 % белорусов и 45,7 % россиян. Самая значительная разница в ответах была обнаружена по такой проблеме, как оказаться жертвой преступности. В большей степени данный страх распространен среди россиян, этот факт отражает официальная статистика, согласно которой уровень преступности в Республике Беларусь гораздо ниже, чем в РФ. Таким образом, изучение общественного мнения по поводу тревожности позволяет сделать вывод, что большинство опасений, о которых высказались люди, не являются вымышленными, а вытекают из реального положения дел. Ведь человек стремится не только к безопасности и выживанию, но и к развитию, личностному росту, актуализации собственных потенций, счастью, душевному покою, высшим переживаниям. А все это возможно только в стабильном и устойчивом обществе с оптимальным (минимальным) уровнем угроз – как внутренних, так и внешних. Нищета, войны, деспотизм, преступность дурны не только потому, что ослабляют жизнестойкость человека, угрожают его выживанию. Они снижают качество самой жизни, ослабляют личность и сознание человека, делают его «недочеловечным» по А. Маслоу [8], с одной стороны; и способны стать предпосылкой для появления социальной изоляции и отчужденности, агрессии и протестных форм поведения – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. 2-е изд. – СПб. : Питер, 2007. – 783 с.
2. Титаренко, Л. Г. Беларусь и новые глобальные социокультурные вызовы и угрозы / Л. Г. Титаренко // Социология. – 2003. – № 1. – С. 25–33.

REFERENCES

1. Ilyin, Ye. P. Emotsii i chuvstva / Ye. P. Ilyin. 2-ye izd. – SPb. : Piter, 2007. – 783 s.
2. Titarenko, L. G. Belarus i novyye globalnyye sotsiokulturnyye vyzovy i ugrozy / L. G. Titarenko // Sotsiologiya. – 2003. – № 1. – S. 25–33.

3. Круглый стол: «Факторы стабильности и кризиса современного российского общества» [Электронный ресурс]. – М., 2010. 21 мая. – Режим доступа: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=342> – Дата доступа: 10.07.2017.
4. Штомпка, П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
5. Блумер, Г. Коллективное поведение / Г. Блумер // Американская социологическая мысль. – М. 1994. – С. 535–588.
6. Ротман, Д. Г. Социальная напряженность в обществе: сущность и особенности социологического изучения / Д. Г. Ротман // Социология. – 2007. – № 4. – С. 129–140.
7. Николаевский, В. В. Социальная защита населения: теория и практика / В. В. Николаевский // Социология. – 2004. – № 3. С. 21–41.
8. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / А. Г. Маслоу. – СПб.: – 2001. – 161 с.
3. Kruglyy stol: "Faktory stabilnosti i krizisa sovremennogo rossiyskogo obshchestva" [Elekronnyy resurs] – M., 2010. 21 maya. – 2017. – Rezhim dostupa: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=342>. – Data dostupa: 10.07.2017.
4. Shtompka, P. Sotsialnyye izmeneniya kak travma / P. Shtompka // Sotsis. – 2001. – № 1. – S. 6–16.
5. Blumer, G. Kollektivnoye povedeniye / G. Blumer // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl. – M. 1994. – S. 535–588.
6. Rotman, D. G. Sotsialnaya napryazhennost v obshchestve: sushchnost i osobennosti sotsiologicheskogo izucheniya / D. G. Rotman // Sotsiologiya. – 2007. – № 4. – S. 129–140.
7. Nikolayevskiy, V. V. Sotsialnaya zashchita naseleniya: teoriya i praktika / V. V. Nikolayevskiy // Sotsiologiya. – 2004. – № 3. S. 21–41.
8. Maslou, A. G. Motivatsiya i lichnost / A. G. Maslou. – SPb.: – 2001. – 161 s.